

РАЗВОД ПОД ГРИФОМ «ЛИЧНО»

Сона Скофилд

Сона Скофилд

Развод под грифом «Лично»

«Автор»

2026

Скофилд С.

Развод под грифом «Лично» / С. Скофилд — «Автор», 2026

После двадцати одного года брака мой муж-генерал прислал мне развод курьером. В сером конверте с пометкой «Лично» лежало все: заявление, раздел имущества и новая жизнь, которую Кирилл опять выбрал за меня. Я не подписала. Вместо этого вернулась к профессии архитектора и взялась восстановить закрытый реабилитационный центр, доставшийся мне от тети. Но в старых документах обнаружилась подпись Кирилла под опасным временным решением. Теперь центр, его назначение и наша семейная история связаны одной проверкой. Чтобы открыть запертую дверь, мне придется разобраться в чужой отчетности, собственных ошибках и чувствах к мужчине, которого я все еще люблю. А ему — доказать, что ответственность не дает права решать за двоих. Мы действительно разведемся. Но станет ли развод концом — впервые решу я.

© Скофилд С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Конверт с пометкой «Лично»	5
ГЛАВА 2. Тридцать дней до свободы	11
ГЛАВА 3. «Тихий берег»	16
ГЛАВА 4. Конфликт интересов	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сона Скофилд

Развод под грифом «Лично»

ГЛАВА 1. Конверт с пометкой «Лично»

Курьер попросил расписаться в половине седьмого, когда я пыталась уместить поручень для инвалидной коляски между батареей и дверью чужой аптеки.

На экране ноутбука оставалось шестьдесят восемь сантиметров. По нормам требовалось больше. Заказчик третий день предлагал мне «слегка подвинуть человека», будто посетители приезжали к нему без рук, локтей и права развернуться. Я увеличила план, пометила батарею красным и только тогда заметила, что мужчина у двери держит серый плотный конверт обеими руками.

— Лада Михайловна Ратникова?

— Да.

— Лично в руки. Нужна подпись.

Я расписалась на экране его телефона. Курьер сверил фамилию, пожелал хорошего вечера и ушел. В прихожей остался запах нагретого подъезда и серый конверт формата А4. В правом верхнем углу стояло одно слово: «Лично».

Почерк был незнакомый, зато способ доставки — вполне кирилловский. Если документ имел значение, муж не доверял электронной почте. За двадцать один год брака я получала от него так копии страховок, доверенность на автомобиль и однажды билеты к морю, когда он боялся, что письмо затеряется в спаме. В тот год Таисии было девять. Мы улетели без него, потому что за два дня до отпуска в области загорелись торфяники.

Я положила конверт рядом с ноутбуком и еще раз посмотрела на план аптеки. Красная батарея стояла там, где ее установили десять лет назад. Ее можно было перенести, но это стоило денег и требовало отключения стояка. Заказчик хотел получить доступный вход без этих двух неудобств.

Я усмехнулась и вскрыла конверт канцелярским ножом.

Сверху лежало письмо на одном листе.

«Лада.

Я принял предложение о двухлетнем назначении в федеральный кризисный центр. Выход на должность — с первого ноября. Понимаю, что ты не готова к новому переезду и имеешь право вернуться к полноценной работе. Считаю честным освободить тебя от обязательств, которые ты больше не выбираешь.

Я подготовил вариант раздела имущества, при котором квартира остается мне, а ты получаешь компенсацию своей доли после погашения остатка кредита. Сбережения делятся поровну. Машина остается тебе. Все расходы по оформлению беру на себя. Если условия покажутся несправедливыми, я готов изменить их.

Кирилл».

Под письмом лежали проект соглашения о разделе имущества, копия оценки квартиры и заполненный бланк совместного заявления о расторжении брака. На местах для подписей стояли тонкие карандашные галочки.

Я дочитала до последней страницы. Потом вернулась к первой и проверила дату оценки. Отчет составили две недели назад. Оценщик осматривал квартиру, пока я была у заказчика в соседнем районе. Кирилл сказал, что страховая компания обновляет документы после ремонта фасада. Я не уточнила. В браке постепенно появляется опасная экономия вопросов: если человек двадцать лет платит страховку вовремя, зачем проверять двадцать первый?

На кухне работал холодильник. За окном машины ползли по вечернему проспекту. Никакого особенного звука, подходящего для конца брака, не оказалось.

Я взяла телефон и открыла переписку с Кириллом.

В 06:12 он написал: «Выехал».

В 14:47: «Совещание затянется. Буду после двадцати».

Между этими сообщениями умещались его назначение, оценка квартиры и решение, что я больше не выбираю мужа.

Я набрала его номер. Ответил дежурный голос автоинформатора: абонент временно недоступен. Служебные совещания проходили без личных телефонов. Я знала это и все равно позвонила второй раз.

Затем закрыла документы и вернулась к аптеке.

Поручень не помещался. Батарейку следовало переносить. Я написала заказчику: «Существующая конфигурация не обеспечивает требуемую ширину. Предлагаю два технически возможных варианта. Бесплатного третьего нет».

Ответ пришел почти сразу: «Лада Михайловна, давайте завтра обсудим».

Хотя бы один человек в этот вечер собирался со мной что-то обсуждать.

Я сохранила чертеж, выключила ноутбук и пошла в спальню. Наш общий шкаф занимал всю стену. Слева висели мои рубашки и два платья, справа — гражданские костюмы Кирилла. Форму он хранил в гардеробной при кабинете, чтобы не будить меня ранними сборами. На верхней полке лежали дорожные сумки. Большой синий чемодан пережил четыре наших переезда: Клинцы, Полевск, Южнореченск и Реченск. На колесике до сих пор белела полоска строительной краски из первой служебной квартиры.

Я сняла чемодан и поставила на пол.

Через минуту убрала обратно.

Уходить из собственной квартиры в съемный номер из-за документа, который я не заказывала, было бы таким же готовым решением, только моим. Оставалось проверить, кому достанется квартира, сколько на самом деле стоит моя доля и почему Кирилл решил оформить развод сейчас. Значит, до проверки я не двигала ни чемодан, ни деньги, ни себя.

В семь тридцать позвонила Таисия. На экране появилась дочь в наушниках и с карандашом в собранных на затылке волосах.

— Мам, у тебя есть две минуты? Мне надо выбрать заставку, а Леша говорит, что первая слишком медленная.

— Есть.

Она включила два коротких фрагмента. В первом пустой школьный коридор постепенно заполнялся детьми, во втором монтаж начинался с хлопка двери. Таисия снимала учебный фильм о маленькой сельской школе, которую собирались закрыть. Мы спорили восемь минут вместо двух. Я выбрала первый вариант, она — второй, а потом решила оставить оба до просмотра с преподавателем.

— Папа звонил? — спросила я, стараясь, чтобы вопрос прозвучал обычно.

— Вчера. Спросил про деньги на аренду камеры. Я отказалась.

— Почему?

— Потому что договорилась взять университетскую. И потому что, если он еще раз решит мой вопрос до того, как я закончу фразу, я сниму фильм только из принципа на старый телефон.

Я посмотрела на серый конверт, видимый из спальни на кухонном столе.

— Разумная угроза.

— У нас семейное. — Она прищурилась. — Все нормально?

— Мы с папой вечером поговорим.

— Это ответ на другой вопрос.

В двадцать лет она уже умела ловить наши обходные формулировки. Наверное, потому что выросла среди них.

— Пока я не знаю, нормально ли. Когда узнаю, скажу.

— Хорошо. Только не надо передавать мне через него, что у тебя все хорошо, а ему через меня — что ты занята. Я заканчиваю фильм, у меня нет квалификации семейного диспетчера.

— Не будем.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она помолчала, кивнула и вернулась к заставке. После звонка я записала обещание в блокнот возле ноутбука. Не потому, что могла забыть. Мне хотелось увидеть первую линию, которую Кирилл и я не должны были переходить: Таисия не посредник.

В восемь двадцать в замке повернулся ключ.

Кирилл вошел быстро, как всегда, когда опаздывал домой и считал, что скоростью можно вернуть потерянные минуты. Поставил портфель на банкетку, снял китель и только потом увидел меня за кухонным столом. Я успела приготовить чай, но не стала его пить. Рядом с чашкой лежали документы.

На муже была светлая рубашка с закатанными до локтей рукавами. Седины на висках за последний год стало больше. Он посмотрел на вскрытый конверт, и движение, которым он ослаблял галстук, остановилось.

— Курьер приехал раньше, — сказал Кирилл.

Я ожидала чего угодно, кроме замечания о времени доставки.

— В этом проблема?

— Нет. Я хотел быть дома, когда ты откроешь.

— Ты мог быть дома до того, как отправил.

Он снял часы и положил на край стола. Широкий шрам на левой ладони побелел, когда пальцы разжались. Я знала происхождение каждого заметного следа на его теле, но две недели не знала про оценщика в нашей квартире.

— Лада, я собирался все объяснить.

— Начни с назначения.

Кирилл сел напротив. Спина прямая, ладони на столе, взгляд спокойный. Так он разговаривал с журналистами после сложных выездов: сообщал только подтвержденное и не давал эмоции, которую можно вырезать для заголовка.

— Федеральный кризисный центр. Заместитель руководителя. Два года с возможностью продления. Решение согласовали вчера.

— Когда ты подал документы?

— В июне.

Я перевернула его письмо чистой стороной вверх. Июнь. В июне мы ездили к Таисии на защиту курсовой, выбирали ей чайник и спорили, нужна ли дополнительная страховка на съемочную технику. Кирилл уже подал документы, но ни разу не произнес слово «назначение».

— Почему ты не сказал?

— Пока не было согласования, не хотел обсуждать то, что могло не состояться.

— А когда состоялось, подготовил развод.

— Я готовил его раньше.

— Это должно помочь?

Он отвел взгляд к окну. Всего на секунду, но для Кирилла это равнялось длинной паузе.

— В прошлом году ты сказала, что больше никуда не поедешь.

— Я сказала, что не хочу пятого переезда.

— Ты отказалась от Южного округа.

— Отказалась. Потом предложила обсудить, как нам жить на два города. Ты ответил, что решения еще нет.

— Такой режим разрушил бы то, что осталось.

— И ты решил разрушить аккуратно.

Он принял фразу без привычного возражения.

— Я вижу, что ты несчастна, — сказал он. — После отъезда Таисии это стало очевидно. Ты берешь проекты, которые могла бы вести из любого города, и злишься на каждый мой выезд. Мы разговариваем о коммунальных платежах и расписании. Я не хочу снова просить тебя отказаться от работы.

— Поэтому ты отказался от меня.

— Я освобождаю тебя от выбора, в котором любой ответ причинит тебе ущерб.

— Кирилл, послушай себя.

Он замолчал.

Я придвинула к нему письмо и указала на вторую строку.

— «Понимаю, что ты не готова». Дальше: «считаю честным». Потом: «условия, при которых квартира остается тебе». В этом документе ты понимаешь, считаешь и распределяешь. Где здесь я?

— Перед тобой предложение. Ты можешь изменить любой пункт.

— Любой пункт уже принятого решения.

— Решение о назначении касается моей работы.

— А решение о разводе?

Он посмотрел прямо на меня.

— Я не стану требовать, чтобы ты еще два года ждала, когда у меня появится время быть мужем.

— Я не просила ждать.

— Ты и раньше не просила.

Фраза попала точно. Я действительно не просила. Четыре раза собирала коробки, нашла работу на новом месте и уверяла, что справлюсь. Когда перестала справляться, говорила о тесной кухне, плохом интернете, чужом городе — о чем угодно, кроме того, что устала строить жизнь вокруг служебных назначений.

Это была моя ошибка. Она не превращала его конверт в разговор.

— У тебя есть другая женщина? — спросила я.

Вопрос требовал ответа, каким бы банальным ни казался.

— Нет.

— Была?

— Нет.

— Ты хочешь жить один?

Кирилл провел большим пальцем по краю часов.

— Я буду жить при центре. В служебной квартире. Первые месяцы почти без выходных.

— Это снова расписание. Я спросила, чего ты хочешь.

Он не ответил сразу. За дверью соседи выпускали на лестницу собаку; когти цокнули по плитке, лифт остановился на нашем этаже и уехал вниз.

— Я хочу перестать быть причиной, по которой ты откладываешь свою жизнь, — сказал Кирилл.

— Удобный ответ. В нем опять нет тебя.

— Другого у меня сейчас нет.

Впервые за вечер он произнес честную фразу без готового продолжения.

Я открыла проект соглашения. Квартира оценивалась в двадцать два миллиона, остаток ипотечного кредита составлял восемь миллионов восьмьсот тысяч. Кирилл предлагал выпла-

тить мне шесть миллионов шестьсот тысяч за мою долю и оставить квартиру себе. В приложении уже были номера счетов и суммы. Машина оставалась мне, общие накопления делились поровну. Его служебные выплаты не фигурировали, мои небольшие гонорары тоже. На первый взгляд условия выглядели честными. На второй — их составил человек, который заранее определил, сколько стоит моя свобода.

— Кто готовил соглашение?

— Кравцов. Он занимается документами сотрудников управления. Нотариальную часть ведет его коллега.

— То есть твой юрист.

— Он не будет представлять меня, если возникнет спор. Это проект.

— Оценщика тоже выбрал ты?

— Да. Компания аккредитована банками, отчет можно проверить.

— Я проверю. С другим оценщиком и своим юристом.

— Разумеется.

Он сказал это слишком быстро, будто мой отказ входил в один из предусмотренных сценариев.

— Я не подпишу сегодня ничего.

— Я не жду подписи сегодня.

— И завтра. И пока не получу независимую оценку, выписки по всем общим счетам и консультацию человека, который не работает с твоим управлением.

— Хорошо. Я подготовлю выписки.

— Ты дашь доступ. Готовить буду не ты.

На его лице ничего заметно не изменилось. Он просто убрал руку от часов.

— Хорошо.

— Таисия не участвует. Мы не просим ее передавать сообщения и не заставляем выбирать, с кем проводить праздники.

— Согласен.

— До решения ты ночуешь в гостевой комнате.

Здесь он все-таки задержал дыхание. Коротко, без театральности. Я двадцать один год видела, как этот человек входил в горящие здания, выступал перед комиссиями и звонил родственникам погибших. Просьба уйти из общей спальни оказалась единственным пунктом, к которому он не подготовил ответ.

— Это твое решение? — спросил Кирилл.

— На сегодняшний вечер — да.

— Понял.

Он встал, взял часы и китель. У двери остановился.

— Я не хотел унижить тебя курьером.

— А чего ты хотел?

— Чтобы документы были у тебя до разговора. Чтобы ты видела: я не собираюсь оставлять тебя без денег или жилья.

— Ты подготовил удобный для меня выход, не спросив, хочу ли я уходить.

Кирилл медленно кивнул.

— Да.

В прежние годы за этим последовало бы объяснение: почему срок поджимал, почему бумаги следовало подготовить заранее, почему его вариант снижал риски. Сейчас он взял портфель и пошел в гостевую комнату.

Я осталась на кухне.

Чай остыл. На экране телефона появилось сообщение от аптечного заказчика: «Согласен переносить батарею. Пришлите новую смету».

Я открыла ноутбук, внесла изменение в проект и отправила файл. Потом сфотографировала каждую страницу соглашения, сохранила копии в отдельную папку и написала Дарье Лебедевой, с которой познакомилась три года назад на реконструкции нотариальной конторы.

«Дарья Никитична, добрый вечер. Мне нужна независимая консультация по разводу и разделу имущества. Документы уже подготовлены второй стороной. Сможете принять меня завтра?»

Она ответила через пять минут:

«В 11:30. Ничего не подписывайте и не отказывайтесь от имущества до встречи».

Я перечитала последнее предложение. Отказаться от имущества мне еще не предлагали. Но Дарья знала людей лучше, чем планы зданий: вероятно, понимала, что первой моей мыслью будет забрать личные вещи и оставить Кириллу квартиру вместе с его правильными расчетами.

Из гостевой донесся негромкий стук дверцы шкафа. Муж устраивался на ночь в комнате, где обычно спали его водитель или моя тетя, пока была жива. Между нами оставалось семь метров коридора, одна дверь и двадцать один год привычки.

Я собрала документы обратно в серый конверт. На слове «Лично» задержала палец, затем убрала конверт в ящик рабочего стола и повернула ключ.

Впервые за много лет важное решение Кирилла лежало передо мной и не становилось обязательным только потому, что он уже все рассчитал.

Утром я собиралась начать с собственной оценки.

ГЛАВА 2. Тридцать дней до свободы

Утром Кирилл приготовил омлет на двоих.

Он делал это по воскресеньям и в дни, когда возвращался с ночного выезда раньше меня. Во вторник омлет выглядел служебной запиской, составленной по старому шаблону: яйца, помидоры, сыр, моя порция без перца. Рядом стоял кофе в синей кружке.

— Доброе утро, — сказал Кирилл.

— Доброе.

Я села напротив и съела половину. Отказываться из принципа было бы неудобно только мне. Он не спросил, поеду ли я к юристу, и не предложил водителя. После вчерашнего разговора молчание могло показаться первым уважением границы. Оно же напоминало, как легко мы умели жить рядом, не сообщая важного.

— Мне нужны выписки по ипотеке и общим счетам, — сказала я.

— Доступ к счетам открыт. В приложении увидишь все движения за три года. Более ранние выписки банк готовит до трех рабочих дней.

— За пять лет.

— Хорошо.

— И договор с оценщиком.

Кирилл положил вилку.

— Перешлю на почту. Компания не связана с управлением.

— Это проверит мой юрист.

— Я понял.

Он произнес спокойно, без того оттенка терпения, который иногда означал: я позволяю тебе пройти весь путь и в конце убедиться, что был прав. Возможно, оттенок придумала я. После двадцати одного года брака опасно считать, что знаешь интонацию человека лучше его слов.

Перед уходом Кирилл оставил на комод второй комплект ключей от машины.

— Мои зачем?

— Чтобы потом не искать. Машина остается тебе.

— Пока действует прежний режим собственности. Не раздавай имущество до соглашения.

Он убрал ключи обратно в карман.

— Принято.

Мне хотелось сказать, что дома не штаб. Вместо этого я промолчала. Он и без подсказки должен был научиться слышать собственные формулировки, а я — не превращать каждую реплику в экзамен с неизвестными ему критериями.

Офис Дарьи Лебедевой находился на втором этаже кирпичного здания рядом с городским судом. Три года назад я проектировала здесь входную группу и спорила с собственником из-за высокого порога. Теперь прошла по пологому пандусу, провела ладонью по надежно закрепленному поручню и впервые оценила свою работу как клиент, которому требовалась опора.

Дарья Никитична встретила меня без сочувственного наклона головы. На ней был серый костюм, волосы собраны в низкий узел. Она предложила воду, попросила документы и двадцать минут читала молча.

— Вы хотите развода? — спросила она.

— Вчера я не хотела. Сегодня не знаю.

— Тогда юридическая задача состоит в том, чтобы ваше «не знаю» не использовали как согласие. Проект сам по себе вас ни к чему не обязывает.

— Условия справедливые?

— На первый взгляд арифметика понятна. Рыночная стоимость квартиры — двадцать два миллиона, долг банку — восемь восемьсот, чистая стоимость — тринадцать двести. Половина — шесть шестьсот. Но отчет заказывал супруг. Мы проверим объект и остаток кредита на одну дату. Общие накопления указаны не полностью.

Она развернула приложение ко мне и подчеркнула три строки.

— Здесь два депозита и брокерский счет. В письме вашего мужа перечислены еще накопления на зарплатной карте. Их нет в таблице.

— Возможно, он считает их личными.

— Возможно. А возможно, юрист получил выписки не со всех счетов. Мы не будем угадывать. Запросим документы.

— Я не хочу воевать за каждую чашку.

— И не придется. Чашки редко требуют нотариального удостоверения. Недвижимость, автомобили, вклады и доли в обществе — требуют внимания.

— Доли?

Дарья достала из конверта лист с перечнем моего личного имущества.

— ООО «Тихий берег». Шестьдесят процентов. Получены в наследство восемь месяцев назад, поэтому совместно нажитым имуществом не являются. Но доля влияет на ваши доходы, обязательства и способность исполнить соглашение. В проекте о ней нет ни слова.

— Кирилл не претендует на наследство.

— Закон тоже не предлагает ему претендовать. Меня интересует другое. Вы знаете финансовое состояние общества?

Я знала ровно то, что сообщал Олег Панов в ежемесячных письмах: центр закрыт на реконструкцию, долги растут, инвестор готов выкупить участок. После смерти тети Аллы я приняла наследство, подписала доверенность на текущие платежи и продолжила жить так, будто получила неудобную папку, а не контрольную долю в бизнесе.

— Есть задолженность, — сказала я. — Панов предлагает продажу.

— Сумма?

— В последнем отчете было около пяти миллионов.

— «Около» — плохое слово для контрольного участника. Прежде чем соглашаться на компенсацию за квартиру, нужно понять, не понадобится ли вам капитал и какие риски несет общество.

— Центр принадлежал тете. Я не собиралась им заниматься.

— Почему?

— Он в семидесяти километрах от города, требует ремонта и лицензий. Я архитектор, не врач и не управляющая санаторием.

— Тогда продадите после проверки. Но решение должно опираться на цифры. Ваш муж подготовил для вас вариант будущего. Не стоит в ответ выбирать любой противоположный только потому, что он ваш.

Мне не понравилась точность ее замечания.

Дарья составила список документов: независимая оценка квартиры, справка об остатке кредита, выписки за пять лет, сведения по страхованию, корпоративные документы «Тихого берега», баланс и кредиторская задолженность. Потом объяснила процедуру развода. Поскольку Таисия была совершеннолетней и оба формально соглашались, мы могли подать совместное заявление через орган регистрации. Брак прекратят после установленного месячного срока. Имущество можно разделить отдельным нотариальным соглашением; ждать для этого завершения развода не обязательно.

— Если я не подам заявление сейчас?

— Никто не вправе заставить. Супруг может обратиться в суд самостоятельно. Это дольше и не решит вопрос доверия, о котором вы сейчас думаете.

— Я не хочу удерживать человека браком.

— Тогда не удерживайте. Но и не подписывайте соглашение из желания показать, что вам ничего не нужно.

Она передала мне визитку оценщика, не связанного с ее фирмой, и доверенность на запрос части документов.

— Еще один вопрос, — сказала Дарья. — Вы будете жить в общей квартире до оформления?

— Пока да. Он переезжает в ноябре.

— Обсудите платежи. И зафиксируйте, кто пользуется счетами. Не потому, что ваш муж обязательно попытается вывести деньги. Потому что ясные правила дешевле подозрений.

Я вышла от нее в час дня с папкой, списком и неожиданным раздражением на тетю Аллу. При жизни она никогда не просила меня спасти «Тихий берег». Говорила, что центр вырос из ее упрямства и сам же его переживает. В завещании оставила мне контрольную долю, а Панову — сорок процентов, словно заранее заставила нас договариваться.

В машине я нашла его последнее письмо. Тема: «Окончательное предложение по участку». Инвестор сохранял цену до пятницы. До пятницы оставалось три дня.

К письму прилагалась короткая записка, которую я раньше не открыла. Файл назывался «Ладе лично». На секунду мне показалось, что слово преследует меня, хотя тетя создала документ за полгода до смерти.

«Ладушка, если читаешь, значит, Олег снова торопит с продажей. Не верь ни мне, ни ему на слово. Приезжай и измерь сама. Из центра можно сделать место, где человеку не приходится доказывать, что он имеет право войти. Если решишь продавать после осмотра, я не обижусь. Я вообще к тому времени вряд ли смогу обижаться».

В конце стояла дата двухлетней давности.

Я закрыла файл и позвонила Панову.

— Олег Викторович, добрый день. Мне нужны баланс, список кредиторов, договоры с поставщиками и все предложения о продаже.

— Лада Михайловна, конечно. Но инвестор ждет ответа до пятницы. Я вам писал.

— Видела. Завтра приеду в центр.

Он помолчал.

— Там нечего смотреть. Корпус закрыт, оборудование частично вывезено, персонал распущен. Вы только потеряете день.

— Тогда осмотр займет меньше времени.

— Я хотел уберечь вас от неприятного впечатления.

— Не надо. Пришлите документы сегодня до шести.

— Хорошо. Я встречу вас.

— В десять утра.

После звонка я написала Вере Мельник. Ее номер сохранился со времени тетиных похорон. Вера ответила сразу и согласилась открыть лечебный корпус. Потом попросила приехать на полчаса раньше Панова.

«Есть вещи, которые лучше увидеть до его рассказа», — добавила она.

Я не любила подобные намеки. Если человек обладал фактом, его следовало сообщить. Но Вера четырнадцать лет работала в центре, зависела от редких выплат и могла опасаться совладельца. Я подтвердила время.

К четырем приехал независимый оценщик. Кирилл прислал код доступа к банковским выпискам и сообщил, что задержится на работе. Мы с оценщиком прошли квартиру от прихо-

жей до балкона. Он фотографировал отделку, проверял площадь и задавал вопросы о ремонте. В кабинете остановился у встроенных шкафов.

— Остаются?

— Они часть квартиры.

— А техника?

Я перечислила, что покупали вместе. В спальне он измерил стену, возле которой стоял наш с Кириллом шкаф. Я поймала себя на желании объяснить постороннему человеку, что муж уже одну ночь спал отдельно. Оценщику требовались метры, состояние и аналоги продаж. История шкафа цену не меняла.

Кирилл вернулся, когда осмотр заканчивался. Представился, показал документы на квартиру и отвечал только на заданные вопросы. Оценщик ушел, пообещав отчет через три дня.

— Ты нашла юриста? — спросил Кирилл.

— Да. Дарья Лебедева.

— Знаю ее фамилию. Она вела спор по зданию на Советской.

— Это проблема?

— Нет. Сильный специалист.

Прежний Кирилл немедленно перечислил бы ее возможные связи, риски и репутацию. Теперь он открыл приложение банка и положил телефон между нами.

— Доступ ко всем счетам. За пять лет заказал выписки. Брокерский счет тоже общий, хотя открыт на мое имя.

— Почему его нет в проекте?

— Кравцов использовал старый перечень. Я заметил сегодня утром. Исправленный вариант будет завтра.

— Мы не будем править твой проект по частям. Мой юрист составит встречный после проверки.

— Хорошо.

Я ждала, что он спросит о «Тихом берегу». Уведомление о наследстве приходило на общий адрес, и Кирилл присутствовал у нотариуса. Однако он ничего не сказал. Пришлось начать самой.

— Завтра еду в Сосновый Лог.

— Зачем?

— Осмотреть центр. Панов торопит с продажей.

Кирилл снял пиджак и повесил на спинку стула.

— Там накоплены долги. Алла Сергеевна последние годы держала объект на личных деньгах.

— Ты изучал отчеты?

— Нет. Она просила совета по пожарной безопасности после закрытия одного корпуса. Я дал контакты специалистов.

— Когда?

— Два года назад.

Тогда же тетя сохранила записку для меня.

— Почему ты не сказал?

— Она просила не вмешивать тебя, пока не определится с реконструкцией.

— После ее смерти?

— Я считал, что нотариус передал документы, а Панов — сведения по обществу.

— Ты снова считал.

— Да, — ответил он после паузы. — Надо было спросить.

Я открыла рот, готовая к следующему вопросу, и остановилась. Впервые он признал привычную ошибку без объяснения обстоятельств. Это не исправляло прошлое, но превращать каждое его верное действие в повод для новой атаки тоже было старой моделью.

— Я пока ничего не продаю, — сказала я. — Сначала проверю долги и здание.

— Нужен инженер.

— Найду независимого.

— Могу дать несколько контактов.

— Нет. Спасибо.

Он принял отказ.

Мы обсудили платежи по квартире. До нотариального соглашения ипотеку и коммунальные расходы оплачивали с общего счета в прежних долях. Личные расходы — каждый со своего. Крупные переводы требовали сообщения второму. Я записала договоренность и отправила ему в мессенджере. Кирилл ответил одним словом: «Согласен».

На следующий день мы встретились у городского отдела регистрации. Дарья рекомендовала не смешивать юридическое решение и эмоциональную проверку: если я понимала, что не хочу сохранять прежний брак, заявление можно подать, продолжая обсуждать имущество отдельно.

Я понимала.

Кирилл пришел без формы, в темном костюме. В зале ожидания сидели молодые родители с папками, пожилая пара и девушка, которая репетировала новую подпись на обороте талона. Наш номер появился на табло через двенадцать минут.

Сотрудница проверила паспорта, свидетельство о браке и спросила, подтверждаем ли мы взаимное согласие. Кирилл посмотрел на меня. Раньше он ответил бы первым — из привычки экономить время.

— Подтверждаю, — сказала я.

Он повторил.

Нам объяснили срок, выдали расписку и назвали дату регистрации. Тридцать дней. Месяц не давал свободу автоматически и не требовал примирения. Он просто отделял сегодняшнее решение от записи в реестре.

На улице Кирилл остановился у ступеней.

— Тебя отвезти?

— Я на машине.

— Тогда увидимся вечером.

— Да.

Мы разошлись в разные стороны парковки. Не обнялись, не пожали руки, не произнесли подходящей случаю фразы.

В машине я поставила маршрут до Соснового Лога. Навигатор показал час двадцать без пробок. Завтра в девять тридцать я должна была встретить Веру у ворот закрытого центра, который собиралась продать еще утром.

Теперь у меня оставалось три дня, чтобы решить, являлся ли «Тихий берег» долгом покойной тети или первой работой, которую я выбирала сама.

ГЛАВА 3. «Тихий берег»

Ворота «Тихого берега» открывались внутрь и съедали почти метр проезда.

Я заметила это раньше вывески, заросшей девичьим виноградом. Пожарная машина прошла бы, если убрать припаркованные вдоль ограды автомобили и не учитывать сугробы. В августе снега не было, зато у служебного входа стояли две старые «Лады», а на повороте разрослась ель.

Вера Александровна ждала возле проходной. На ней были джинсы, медицинская куртка и широкополая соломенная шляпа. Она обняла меня один раз, крепко, затем отступила.

— На Аллу похожа, когда сердитесь.

— Я пока только приехала.

— Значит, дорога у вас была плохая.

Вера открыла калитку. За ней начиналась аллея к главному корпусу: три этажа светлого кирпича, балконы с облупившимися перилами, низкий лечебный блок справа. На фотографиях тети центр выглядел меньше. Или просто живее. Сейчас в окнах отражались сосны, на клумбах оставались редкие бархатцы, а вокруг фонтана лежали свернутые садовые шланги.

— Кто здесь работает? — спросила я.

— Я, Надежда Петровна и охрана по сменам. Котельщик приходит проверять систему. Остальных распустили весной. Двум санитаркам платим половину ставки, чтобы не ушли совсем.

— Из каких денег?

— Это лучше у Надежды спросить.

Вера повела меня не к парадному входу, а к боковому пандусу. Уклон оказался слишком крутым. Металлическое покрытие местами выгнулось, поручень заканчивался за двадцать сантиметров до площадки.

— Тетя это видела?

— Она все видела. Денег не хватало. Когда выбирала между пандусом и зарплатой, выбирала зарплату.

— А подъемник?

— Сейчас покажу.

Внутри пахло закрытым помещением, хлорсодержащим средством и сосновой смолой, которую приносило через разбитую форточку. Вера включила свет. Загорелась половина ламп.

Холл был просторным только на плане. В реальности его пересекали стойка регистрации, ряд кресел и декоративная кадка размером с детскую ванну. До лифта оставался проход в девяносто сантиметров. Кадку можно было убрать за пять минут, стойку — переставить. За двадцать лет работы с общественными зданиями я научилась отделять дорогие проблемы от тех, которые сохранялись из-за привычки.

Подъемник стоял у лестницы в лечебный блок. На кнопке висела бумажка: «Не включать».

— Когда сломался?

— Зимой. Олег Викторович сказал, что ремонт бессмысленен перед продажей.

— А до закрытия как возили людей?

— Через служебный вход. Там порога нет.

Служебная дверь оказалась заперта навесным замком снаружи.

Я присела, осмотрела петли и новый брус, которым усилили раму.

— Это не временный замок.

— Его поставили после проверки склада. Сказали, что через двор воруют продукты.

— Кто сказал?

— Панов.

Я достала рулетку. От лечебного блока до двери было двадцать семь метров по прямому коридору. Если она вела наружу, это мог быть второй маршрут. Я записала ширину, направление открывания и номер помещения. Потом сняла замок на телефон.

— Вы хотели показать именно это?

Вера покачала головой.

— Еще старые палаты.

Мы поднялись на второй этаж. Лифт работал с рывком и останавливался на сантиметр ниже пола. Вера привычно придержала дверь ногой.

— Так нельзя, — сказала я.

— Знаю. Поэтому и хотела, чтобы вы приехали без Олега Викторовича. Он покажет вам номера после ремонта. Там красиво. А люди жили в старом крыле.

В старом крыле было восемь комнат. В одной вдоль стены тянулась полоса сырости, в другой не закрывалось окно, в третьей санузел имел такой узкий вход, что коляска оставалась в коридоре. На дверях сохранились бумажные таблички с именами. Вера сняла их перед закрытием, но не выбросила.

— Почему пациентов не перевели в новое крыло?

— Там размещали тех, кто платил полную стоимость. Алла Сергеевна спорила с Олегом. Потом заболела и стала приезжать реже.

— Вы говорили ей о сырости?

— Каждый месяц. Она заказывала обследование, но Панов приносил акты локального ремонта. Пятно возвращалось.

Я провела пальцами по штукатурке. Поверх старой трещины лежал свежий слой краски. Окончательный вывод должен был дать инженер, однако косметический ремонт был очевиден и без экспертизы.

— Надежда здесь?

— В бухгалтерии.

Главный бухгалтер сидела среди коробок с архивом. Надежда Петровна встала мне навстречу и сразу начала собирать бумаги, которые уже лежали ровной стопкой.

— Лада Михайловна, соболезнаю еще раз. Алла Сергеевна вас очень ждала.

— Спасибо. Мне нужны точные долги и движения по счетам.

— Я подготовила оборотную ведомость. На сегодня кредиторская задолженность пять миллионов восемьсот сорок тысяч. Из них два сто — коммунальные и топливо, миллион триста — поставщики, девятьсот — зарплата и взносы, остальное — подрядчики.

— Почему Панов писал про пять?

Надежда поправила очки.

— Возможно, округлил.

— Вниз на восемьсот сорок тысяч?

— Он рассчитывал закрыть часть после продажи оборудования.

— Продали?

— Пока нет.

— Тогда это долг. Где договоры с подрядчиками и акты обслуживания систем?

Она показала на соседнюю коробку.

— Не все у меня. Олег Викторович хранил строительную папку у себя.

— В обществе есть электронный архив?

— После сбоя сервера сохранилась бухгалтерия и часть переписки. Алла Сергеевна делала копии в облаке, но пароль я не знаю.

Я записала суммы и попросила выгрузку операций за три года. Надежда согласилась, потом посмотрела на Веру.

— Олег Викторович будет недоволен.

— Я владею шестьюдесятью процентами общества, — сказала я. — Запрос оформлю письменно. Если есть документы, которые вы подписывали по его распоряжению и считаете спорными, сообщите сейчас или после консультации со своим юристом. Давить на вас я не буду.

Она побледнела настолько заметно, что Вера пододвинула ей стул.

— Я все проводила по основаниям, — сказала Надежда. — У нас были счета и распоряжения.

— Хорошо. Тогда выгрузка это подтвердит.

Я не знала, в чем именно она боялась признаться. Пугать бухгалтера уголовными статьями без фактов было бы глупо. Страх иногда заставляет человека говорить, но часто дает ему время уничтожить документы. Мне требовалась копия, а не исповедь.

В десять пятнадцать во двор въехал черный внедорожник Панова. Он опоздал на пятнадцать минут и первым делом объяснил пробкой на выезде из города. Дорога была свободна, но я не стала спорить.

Олег Викторович оказался ниже, чем я помнила, и заметно похудел после похорон. Он пожал мне руку, назвал «Ладочкой», увидел рулетку в моем кармане и перешел на имя-отчество.

— Надеюсь, Вера Александровна не успела вас напугать. Она предана центру, но оценивает ситуацию сердцем.

— Она показала помещения. Дальше я оценю их с инженером.

— Вот именно об этом я и хотел поговорить. Независимое обследование стоит денег. Инвестор предлагает сто восемьдесят миллионов за участок и здания, берет долги на себя. Ваша доля после расчетов составит больше ста миллионов до налогов. Разумный выход.

Сумма была такой, что я еще раз посмотрела на корпуса. Сто миллионов позволяли купить квартиру, открыть собственное бюро и больше никогда не спорить из-за чужих смет. Но предложение за землю в шести километрах от озера и рядом с новой трассой могло быть выгодным и покупателю.

— Покажите оценку, на которой основана цена.

— Это коммерческое предложение.

— Тогда покажите кадастровые документы, ограничения использования и расчет долгов.

— Все есть в папке.

Папка оказалась тонкой. В ней лежали выписка по участку, письмо инвестора, предварительный расчет и проект протокола собрания участников. В проекте уже стояло решение: одобрить сделку. Место моей подписи отметили желтой закладкой.

— Вы рассчитывали, что я подпишу сегодня?

— Я подготовил документы, чтобы не тратить ваше время. Срок предложения заканчивается завтра.

— Почему инвестор поставил такой срок?

— Они выбирают между нашим участком и базой на другом берегу.

— Название компании?

Панов назвал. Я записала.

— У меня будет семь дней на независимую смету и проверку документов.

— Предложение уйдет.

— Тогда получите письменное продление.

— Они не обязаны ждать.

— Я тоже не обязана продавать контрольную долю за сутки.

Он закрыл папку.

— Лада Михайловна, простите за прямоту. Вы хороший архитектор, но реабилитационный центр — медицинский бизнес. Лицензирование, персонал, питание, пожарная безопасность. Здесь нельзя измерить дверь и решить проблему.

— Поэтому я не обещала открыть центр. Я обещала проверить.

— Каждый день добавляет долги.

— Пришлите суточный расчет расходов. И строительную папку, которая хранится у вас.

— Надежда преувеличивает значение старых актов. Большинство работ выполняли при Алле Сергеевне.

— Тем более у общества должны быть документы.

На слове «общества» он сжал губы. Наверное, привык считать центр своим после болезни тети. Формально сорок процентов давали ему существенные права, но не большинство.

Мы прошли по новому крылу. Панов действительно показывал другое здание: светлые номера, свежие санузлы, широкие двери. В трех комнатах не хватало сантехники, но отделка выглядела завершенной. Я измерила разворот у кроватей, высоту выключателей и ширину балконных порогов. Красивый ремонт не везде был доступным. Одну перегородку требовалось переносить, часть мебели — менять. Проблемы решались. Гораздо сильнее меня беспокоили запертая дверь, лифт и старая сырость.

В лечебном блоке Панов открыл служебный выход своим ключом. За дверью находился двор с навесом и заасфальтированная дорога к задним воротам.

— Почему замок снаружи?

— Были кражи.

— Дверь входит в эвакуационный маршрут?

— После перепланировки основной маршрут идет через холл.

— Где утвержденная схема?

— В строительной папке.

— Которую вы не привезли.

Он сделал вид, что не заметил последней фразы.

После обеда Панов уехал, пообещав прислать документы к вечеру. Я осталась с Верой и Надеждой. Мы открыли старый архив тети. В коробках лежали планы этажей, письма поставщикам, фотографии первых ремонтов и блокноты с именами пациентов. Я искала не семейную память, а техническую последовательность: когда меняли маршруты, кто принимал работы, почему служебный выход исчез с новой схемы.

В четвертой коробке нашлась папка «Размещение. Пожары». Внутри лежали списки эвакуированных четырнадцатилетней давности, временные графики дежурств и копия акта о готовности центра принять сорок восемь человек. Под документом стояли три подписи.

Одну я узнала сразу.

«К. А. Ратников».

Тогда Кирилл еще был полковником и руководил оперативным направлением. В примечании значилось: «Допускается временное размещение при круглосуточном дополнительном посте, открытом втором выходе и ограничении числа маломобильных граждан».

— Выход в лечебном блоке? — спросила я.

Вера прочитала строку.

— Наверное. Другого второго выхода там нет.

— Когда его закрыли?

— Я не помню. После пожаров точно оставался открытым несколько лет. Потом сделали склад и поставили замок.

На следующем листе находился акт обслуживания пожарного водопровода восьмилетней давности. Затем — годовой акт, еще один, еще. Подписи подрядчика менялись, подпись

Панова оставалась. В двух документах номера насосов совпадали, хотя дата замены оборудования в бухгалтерии была другой.

Я сфотографировала страницы и составила опись. Оригиналы поместила в новую папку, которую Надежда зарегистрировала как переданную мне для копирования. Унести бумаги без следа было бы проще, но тогда Панов мог заявить, что их не существовало или что я что-то подменила.

К шести часам инженер, которого посоветовала Дарья, согласился приехать в понедельник. Тимур Беляев сразу предупредил, что не выдает заключение за день и не обещает сохранить все отделочные панели при обследовании.

— Мне нужно настоящее состояние, — сказала я. — И отдельное внимание к закрытому второму выходу.

— Тогда подготовьте планы, акты и разрешение общества на вскрытие конструкций в необходимых местах.

— Подготовлю.

Перед отъездом я еще раз обошла участок. За лечебным блоком дорога уходила к задним воротам, дальше начинался сосновый лес. На столбе висела старая табличка с номером водоема. До озера было около трехсот метров, но использовать его для пожаротушения без подъезда и оборудования никто не мог.

Вера проводила меня к машине.

— Вы продадите? — спросила она.

— Не знаю.

— Алла Сергеевна хотела, чтобы вы продолжили.

— Она написала, что не обидится, если продам.

— Это на нее похоже. Никогда не просила прямо, если боялась услышать отказ.

Я посмотрела на Веру.

— Тоже семейное?

Она не поняла вопроса, а объяснять я не стала.

По дороге в город пришло письмо Панова. Он получил продление предложения на семь дней. К письму прилагались строительные акты, но файла со схемой эвакуации не было.

Я переслала пакет Тимуру и открыла фотографию документа с подписью Кирилла. В четырнадцатилетнем акте он разрешал использовать центр при условии, которое сегодня никто не соблюдал.

У меня было семь дней, чтобы решить судьбу здания. Теперь продажа тоже требовала ответа на вопрос: что именно Панов пытался передать инвестору вместе с землей, долгами и запертой дверью.

ГЛАВА 4. Конфликт интересов

В понедельник Тимур Беляев приехал в «Тихий берег» на белом фургоне, из которого достал лазерный уровень, складную лестницу и два чемодана приборов.

— Если вам нужен ответ «открывать или продавать», я его не дам, — предупредил он вместо приветствия. — Я скажу, что стоит, что может упасть и где документы не совпадают с конструкциями.

— Этого достаточно.

— Никогда не достаточно. Потом заказчик спрашивает: «А вы бы своим детям разрешили здесь жить?» У меня нет детей, и заключение от этого дешевле не становится.

Он говорил без улыбки, но Вера рассмеялась. Через десять минут Тимур уже лежал на полу возле подъемника и фотографировал маркировку привода.

Я передала ему планы и копии актов. Документ с подписью Кирилла положила сверху.

— Временный режим, — сказал Тимур. — Дополнительный пост, ограниченная загрузка, открытый второй выход. Это не разрешение использовать объект четырнадцать лет.

— Но поздние документы могут ссылаться на него.

— Посмотрим. Кто закрыл дверь?

— Панов говорит, после краж.

— Кражи не меняют направление эвакуации. Нужна сигнализация, контроль доступа, дверь с соответствующей фурнитурой. Навесной замок — решение для сарая.

К обеду он составил перечень первичных обследований. Часть отделки в лечебном блоке требовалось вскрыть, насос проверить под нагрузкой, лифт остановить до обслуживания. Я подписала решение от имени участника с большинством голосов и отправила Панову уведомление. Ответ пришел через семь минут: «Возражаю против повреждения имущества до собрания участников».

Тимур прочитал сообщение через мое плечо.

— Созывайте собрание. Мне семейный корпоративный спор в заключении не нужен.

— Он не семейный.

— Это хорошо. Семейные оплачиваются хуже.

Я позвонила Дарье. Она объяснила, как оформить письменное решение и доступ к документации, не выходя за пределы устава. Панов мог оспаривать, но не запрещать обследование, необходимое для безопасности имущества.

После разговора пришло другое письмо — из областного министерства социальной защиты. Заместитель министра приглашал меня на рабочее совещание по резервным местам для временного размещения людей после чрезвычайных ситуаций. Тему письма сформулировали сухо: «О потенциальном использовании объекта ООО «Тихий берег»».

Я позвонила указанному исполнителю.

— Откуда у вас информация о моих планах? — спросила я.

— Олег Викторович Панов направлял предложение еще весной. Тогда объект не соответствовал требованиям. В пятницу он сообщил, что новый собственник рассматривает реконструкцию.

— Я не новый собственник. Доля перешла мне восемь месяцев назад.

— Прошу прощения. В письме было так указано. Совещание в среду, в одиннадцать. Приедут представители здравоохранения, администрации района и главного управления МЧС.

— Начальник управления?

— Состав делегаций определяют ведомства.

Я поблагодарила и положила телефон.

Панов успел представить мой семидневный осмотр как проект реконструкции, а себя — человеком, открывшим государству новый объект. При удачном контракте цена доли росла. При провале он мог снова вернуться к продаже участка.

— Вы побледнели, — заметила Вера.

— Думаю, в какой момент осмотр здания превратился в государственное совещание.

— До или после того, как вы вышли замуж за начальника управления?

Вера произнесла это без злости, и оттого вопрос прозвучал полезнее.

— Вот это как раз придется выяснить публично.

К среде я подготовила шесть слайдов. Не концепцию нового роскошного центра, а перечень того, что есть: двадцать четыре номера, восемнадцать потенциально пригодных в первой очереди, лечебный блок, кухня, автономная котельная, закрытый второй выход, долги и отсутствие актуального технического заключения. На последнем слайде стояло: «Возможность эксплуатации может быть подтверждена только после независимых обследований и устранения замечаний».

Панов прислал свою презентацию на сорок две страницы. На первой был вид озера на закате, на второй — улыбающаяся женщина в инвалидной коляске из фотобанка, на третьей — слова «уникальная синергия государства и частной инициативы». Цифр по ремонту не было до тридцать восьмого слайда.

Я ответила, что выступлю со своим материалом.

В областное правительство приехала за сорок минут. Пропуск оформили заранее. В холле Панов разговаривал с мужчиной из администрации района, держал планшет и выглядел так, словно договор уже лежал в кармане.

— Лада Михайловна, я добавил ваши данные в общую презентацию, — сообщил он.

— Не добавили. Я запретила использовать расчеты без ссылки и контекста.

— Там только площадь и число мест.

— Тогда удалите мой логотип и фамилию.

Он вздохнул.

— Мы же одна команда.

— У нас одно общество и разные позиции. Это не команда, пока решения скрывают от участника с большинством голосов.

Мужчина из районной администрации сделал шаг в сторону. Панов понизил голос:

— Вы ставите под угрозу возможность получить контракт.

— Объект с закрытым выходом не должен получать контракт.

— Вы драматизируете техническую проблему.

— Ее масштаб определит инженер.

Двери зала открылись. Я вошла первой.

Кирилл сидел у дальней стены рядом с Сергеем Пахомовым. На нем была форма. Мы не виделись с утра: он уехал до семи, я ночевала в центре после позднего осмотра котельной. За общим столом наши фамилии стояли на табличках в четырех местах друг от друга.

Он посмотрел на меня, затем на папку в моих руках. Не улыбнулся и не подошел. В служебной обстановке это было правильно. Мне все равно потребовалось несколько секунд, чтобы перестать видеть мужа, который последние три ночи спал в гостевой.

Совещание открыл заместитель министра. Он перечислил потребность региона в резервных местах для людей после травм, эвакуаций и временной утраты жилья. Речь шла не о больнице, а о размещении с доступной средой и возможностью заключать отдельные договоры с лицензированными специалистами.

Панов выступал вторым. Он показывал озеро, чистые номера и перспективу открыть центр за месяц. Долг назвал «текущей финансовой нагрузкой», закрытый выход — «маршрутом, находящимся на модернизации».

Когда слово передали мне, я подключила ноутбук.

— Я представляю участника с долей шестьдесят процентов и отвечаю за предварительную архитектурную оценку, — начала я. — На сегодня объект закрыт. Ни один из показанных номеров не предлагается к заселению до технического заключения и устранения замечаний.

Показала схему территории, реальные фотографии пандуса, лифта и двери. Потом назвала сумму долга и ориентировочные сроки обследования.

— Открытие за месяц возможно только на бумаге, — сказала я. — Реалистичный первый этап — восемнадцать номеров после сокращенной реконструкции, проверки инженерных систем и оформления необходимых договоров. Стоимость пока уточняется. Если расчет не подтвердит жизнеспособность, общество вернется к вопросу продажи.

Представитель здравоохранения спросил о лицензии. Я объяснила, что центр не будет выдавать себя за медицинскую организацию до получения соответствующих разрешений; часть услуг можно заключать с лицензированными специалистами, а проживание и бытовое сопровождение оформить отдельно.

Пахомов задал вопрос о пожарном водоснабжении.

— Проверка под нагрузкой назначена на пятницу, — ответила я. — Поздние акты обслуживания требуют сверки с фактическим оборудованием.

Кирилл не произнес ни слова.

В конце заместитель министра предложил включить «Тихий берег» в список объектов для дальнейшей оценки и создать межведомственную рабочую группу. Панов закивал раньше, чем закончилась формулировка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.